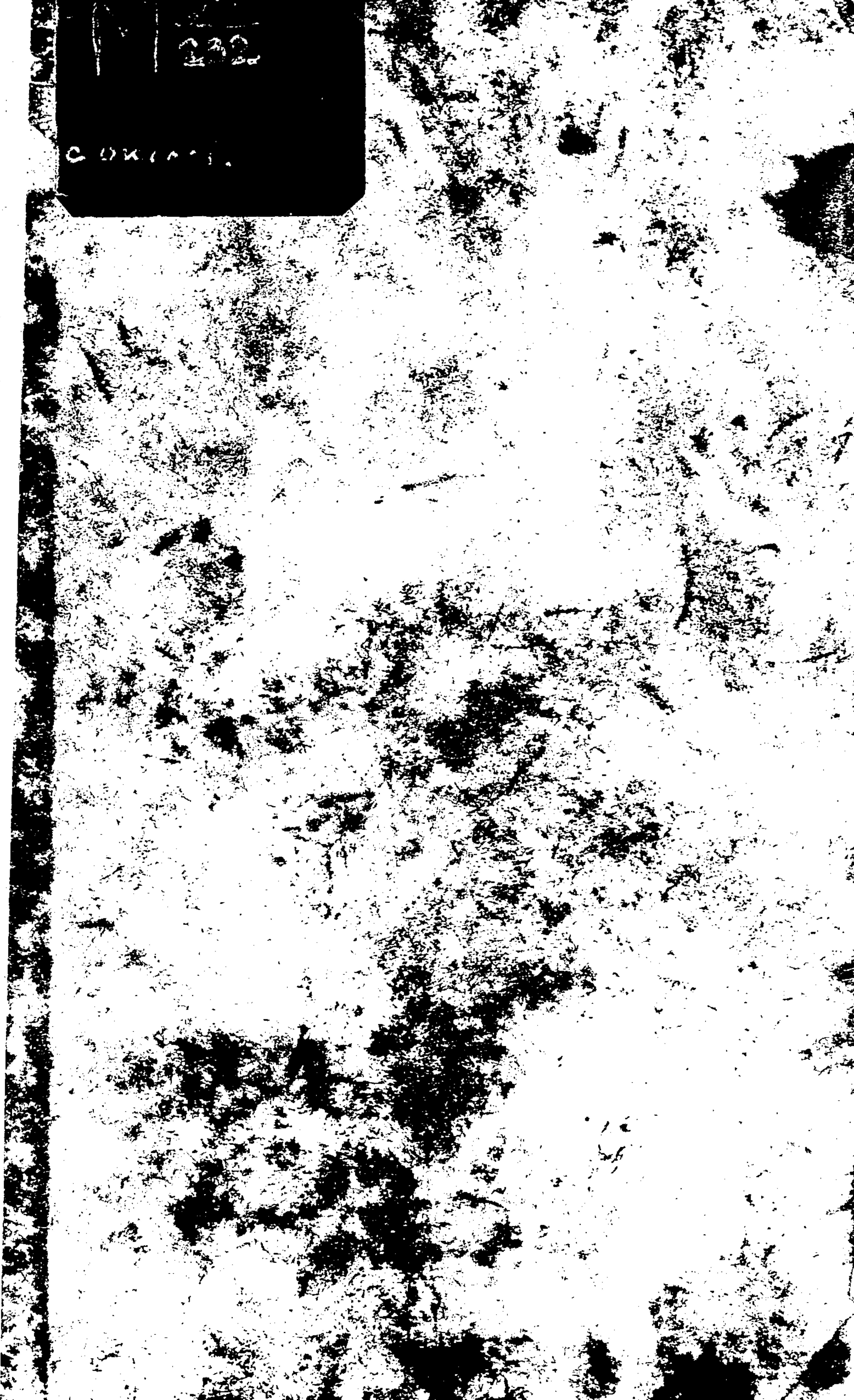
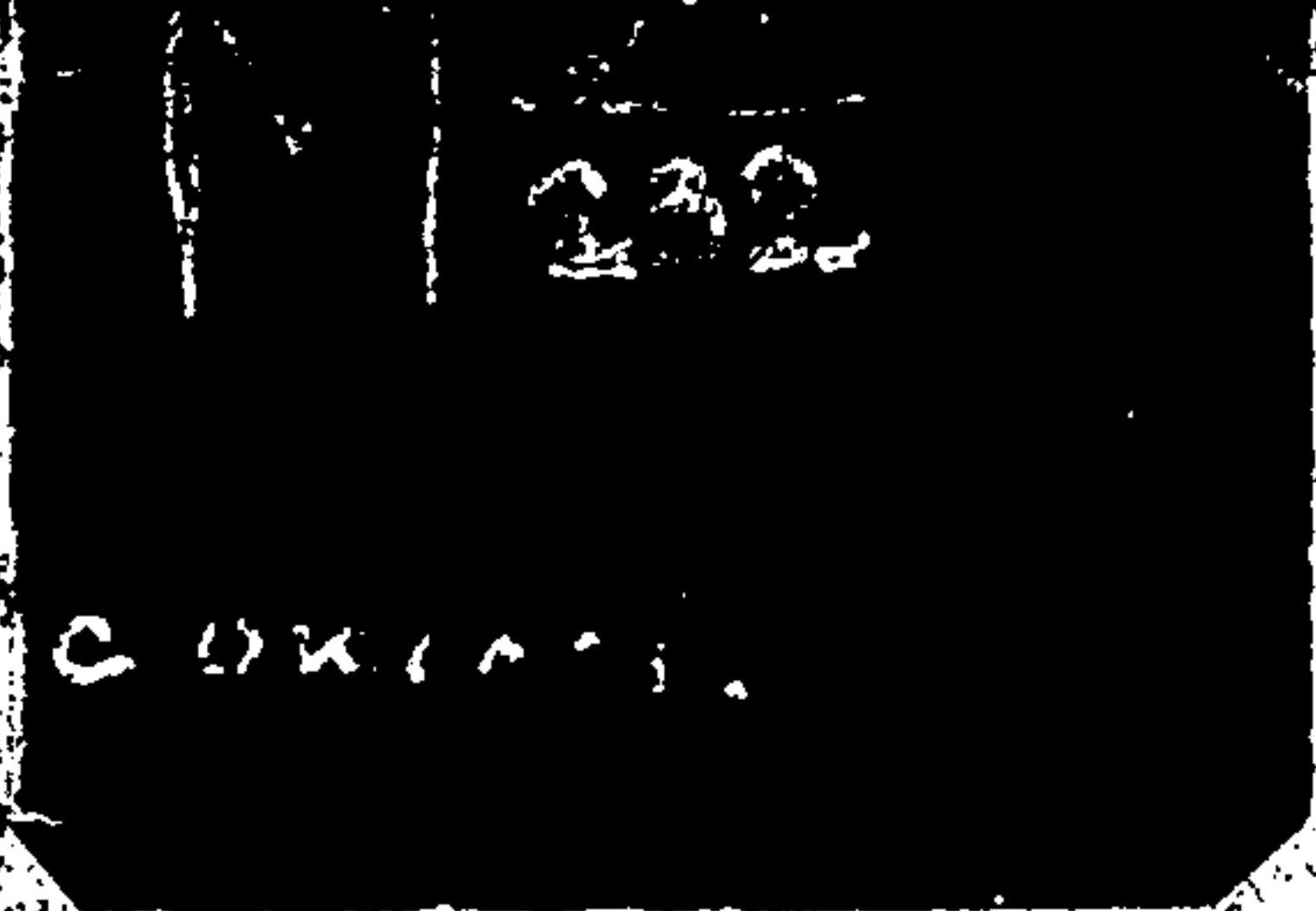

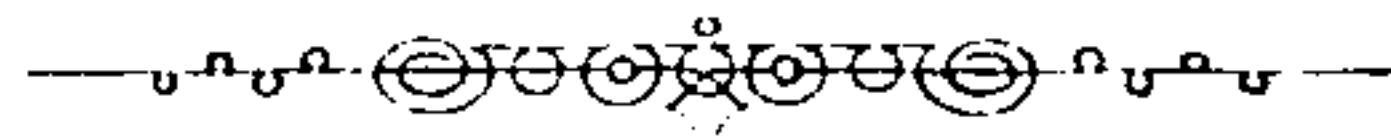
195-470
399-8-43

СТАРО-РУССКІЕ
СОЛНЕЧНЫЕ

БОГИ и БОГИНИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. Е. СОКОЛОВА.

СИМБИРСКЪ.

Типографія А. Т. Токарева.

1887.

232 399-8-43
СТАРО-РУССКІЕ

СОЛНЕЧНЫЕ

БОГИ И БОГИНИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

МИХАИЛА СОКОЛОВА.

СИМБИРСКЪ.

Типографія А. Т. Токарева.

1887.

ор. 33-1009

С.-Петербургъ. Цензурою дозволено 29 Марта 1887 года.

2007098073

I. Древне-русскій солнечный культ. Историческое обозрѣніе.

У всѣхъ языческихъ народовъ: древнихъ и новыхъ, стараго и новаго свѣта, солнце несомнѣнно было самымъ уважаемымъ и любимымъ божествомъ. Съ божествомъ солнца язычникъ соединялъ самыя лучшія воспоминанія своего отдаленнаго прошлаго; къ солнцу же онъ обращался съ мольбою въ своихъ нуждахъ. Справедливость требуетъ признать тотъ фактъ, что иногда во главѣ языческаго Олимпа становились боги и не солнечнаго происхожденія, какъ наприм. богъ-громовникъ, или какой-нибудь полукнижный Брама (Парабрама). Но богъ-громовникъ по самому существу того небеснаго явленья, которое онъ олицетворяетъ, имѣетъ значеніе только мѣстное, для нѣкоторыхъ только странъ, и притомъ онъ всегда представляется для простодушнаго дикаря какимъ-то недоступнымъ, грознымъ и карающимъ существомъ. Книжныя пантеистическія божества, въ родѣ Парабрамы, потому уже не могутъ пріобрѣсти симпатій простаго народа, что они вообще мало извѣстны въ массахъ не философствующей толпы; такія божества, какъ придуманныя жрецами, и извѣстны только въ ихъ ограниченномъ кругу. Вотъ почему даже и тамъ, гдѣ главнымъ богомъ

является не солнечное божество, солнце всетаки наиболее любимо и уважаемо. Не отъ бога-громовника, не отъ пантеистическаго существа, а отъ бога солнца производятъ свой родъ династіи языческихъ царей. Мы разумѣемъ напримѣръ египетскихъ фараоновъ (отъ бога солнца Ра, или Фра), индѣйскихъ царьковъ и американскихъ инковъ. Начало земледѣлія и вообще цивилизаціи приписывается также солнцу, или его дѣтямъ (американскія преданія дикарей, обитающихъ на возвышенностяхъ Боготы, а также инковъ). Словомъ у язычниковъ не было божества болѣе симпатичнаго и уважаемаго людьми, какимъ именно было само солнце.

Русское язычество не представляетъ исключенія изъ общаго правила: солнечные боги были самыми общеизвѣстными и любимыми на Руси.

Повидимому впрочемъ главнымъ богомъ у русскихъ язычниковъ былъ громовникъ Перунъ. Прокопій Кесарійскій, писатель VI вѣка, говоритъ о религіи древнихъ славянъ: „Они (Славяне и Анты) признаютъ единого бога, творца молніи и грома (разумѣется Перуна) единымъ господомъ вселенной, и приносятъ ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ“. Трудно перетолковать это свидѣтельство, хотя вообще признано, что оно относится собственно только къ юго-западнымъ славянамъ. Чѣмъ не менѣе, судя по нашей лѣтописи, Прокопіево свидѣтельство вполне приложимо къ эпохѣ княжеской Руси отъ Олега вѣщаго до Владиміра язычника. Мы видимъ, какъ мужи Олега, по настоянію византійскихъ императоровъ Леона и Александра, клянутся оружіемъ своимъ и богами: Перуномъ и Волосомъ. Говоря о ревностномъ служеніи Владиміра языческимъ богамъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „И нача княжити Володимерь въ Києвѣ единъ, и по-

стави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь“ (Лаврент. л. подъ 980 г.). При чтеніи этихъ словъ лѣтописи невольно бросается въ глаза то самое обстоятельство, что лѣтописецъ сравнительно очень много говоритъ о Перунѣ, описываетъ мелкія подробности его идола, — между тѣмъ тотъ-же самый лѣтописецъ, когда дѣло идетъ о другихъ богахъ, едва удостоиваетъ ихъ той небольшой доли вниманія, чтобы передать хотя-бы ихъ имена, на первый разъ вообще довольно странныя и, за исключеніемъ одного только Дажьбога, вообще непонятныя для современнаго русскаго человѣка.

Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: обычное мнѣніе о главенствѣ Перуна на русскомъ Олимпѣ не совсѣмъ не справедливо, или, лучше сказать, совсѣмъ справедливо.

Но хотя въ историческую эпоху русскаго язычества Перунъ былъ главнымъ, первенствующимъ богомъ, тѣмъ не менѣе онъ вообще далеко не пользовался симпатіями славяно-русскаго народа. Онъ былъ слишкомъ уже грознымъ, своими громовыми стрѣлами онъ равно разилъ какъ праваго, такъ и виноватаго; самый громъ, который олицетворялся въ Перунѣ, былъ символомъ, предвѣстіемъ несчастья. Не даромъ и теперь еще въ числѣ свадебныхъ примѣтъ мы находимъ такую: „Въ день вѣнчанія ясная погода знаменуетъ счастливую жизнь, дождь — богатство, громъ — несчастіе (Воронежскій литерат. сборникъ. Вып. 1-й, 390 стр.) Кромѣ того Перунъ потому уже не могъ привлечь къ себѣ вниманія русскихъ язычниковъ, что громъ и молнія, т. е. тѣ небесныя явленія, въ которыхъ онъ проявлялъ свою силу и могущество, вообще мимолетны, быстро появляются и еще скорѣе исчезаютъ. Въ этомъ отно-

шеніи много выигрывало предъ Перуномъ свѣтлое, пресвѣтлое солнышко. Всѣмъ нужное, всѣхъ радующее оно, казалось, не боялось враждебныхъ силъ мрака и злобы; и думалось русскому язычнику: нѣтъ, не одолѣть врагамъ (небеснымъ змѣямъ) наше солнышко. Эту вѣру народъ выразилъ въ загадкѣ: „Што въ ящикъ не запереть?“ Въ отгадкѣ разумѣется солнце (Пермскій сборникъ, кн. 1, отд. II, 129 стр.). Такимъ образомъ Перунъ не пользовался, или не владѣлъ тѣми выгодами положенія, которыя располагали русскій народъ въ пользу солнца. Потому-то и народъ вообще худо помнитъ Перуна; это обстоятельство какъ-будто подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые считали Перуна не русскимъ, а варяжско-норманскимъ богомъ, славянизированнымъ Торомъ (М. П. Погодинъ, г. Шеппингъ, Янъ Эразмъ Водель). Тѣмъ не менѣе догадка этихъ изслѣдователей не имѣетъ прочныхъ основаній: во первыхъ она требуетъ признать полусказочный рассказъ лѣтописи о призваніи варяжскихъ князей за историческій фактъ, что слишкомъ уже сомнительно, что-бы ни говорили рьяные норманисты; во вторыхъ-же—и это самое главное—народъ, хотя и худо помнитъ о Перунѣ, но все-таки не забылъ его окончательно (бѣлоруссы и отчасти малоруссы).

Чѣмъ меньшимъ значеніемъ и любовью пользовался громовержецъ Перунъ, тѣмъ болѣе и ярче возвышался образъ милостиваго подателя всякихъ благъ, пресвѣтлаго солнца. Солнце (Дажьбогъ) было силою, оживляющею всю природу, оно возбуждало или возжигало жизнь въ растеніяхъ, животныхъ и людяхъ. Но солнце (Дажьбогъ) не было только покровителемъ и благодѣтелемъ русскаго народа; потому-то оно и благоволило къ нему, потому-то оно и было глубоко уважаемо на Руси, что было соединено кровнымъ родствомъ со всѣмъ

славяно-русскимъ народомъ. Русскій народъ съ неза-
памятныхъ временъ считался внукомъ Даждь-бога
(солнца). „Тогда при Олзѣ Гориславличи“, читаемъ мы
въ словѣ о полку Игоревѣ, „сѣянется и растящеть
усобицами; погибашеть жизнь Даждь-божа внука, въ
Княжихъ крамолахъ вѣщи человѣкомъ сократишась“. 1
Обращаемъ вниманіе на взаимную связь и ходъ мыс-
лей пѣвца знаменитаго слова. Пѣвецъ указываетъ на
горькую, несчастную жизнь Даждь-божа внука и далѣе
поясняетъ, что несчастное положеніе Даждь-божа вну-
ка, или, что тоже, сокращеніе вѣковъ человѣческихъ
(а не княжескихъ) зависитъ отъ княжескихъ междо-
усобій (удѣльнаго нестроенія). Ясно, что подъ Даждь-
божимъ внукомъ разумѣется весь русскій народъ, а
не родъ только русскихъ князей, какъ думается нѣ-
которымъ изслѣдователямъ. Мы разумѣемъ И. Срезнев-
скаго. „Подъ именемъ внука Даждь-бога“, говоритъ
г. Срезневскій, „я понимаю Владиміра, извѣстнаго и въ
народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ подъ именемъ „Крас-
наго солнышка“. (Объ обожаніи солнца у древн. слав.
16 стр.). Но въ первыхъ выраженіе „Красное солны-
шко“ есть просто ласкательное прозвище любимаго
князя, и нужно быть слишкомъ уже увлекающимся ми-
ѳологомъ, чтобы, подобно г. Срезневскому, въ другихъ
случаяхъ очень трезвому изслѣдователю, или въ но-
вѣйшее время Л. Воеводскому (Запис. импер. новоросс.
универс. 1880 г. Т. 30, 460 стр.),—видѣть въ этомъ
прозвищѣ отголосокъ народныхъ миѳологическихъ пре-
даній. Въ вторыхъ—и это едва ли не самое главное—
солнышкомъ, краснымъ солнышкомъ прозывается не
одинъ только князь Владиміръ, но и вообще любимый
человѣкъ. Въ народныхъ пѣсняхъ названіе солнышка
поочередно носятъ хозяинъ или хозяйка въ дому,
женихъ или невѣста. Такъ въ одной свадебной костром-

ской пѣснѣ невѣста называетъ отца обогрѣвнымъ, краснымъ солнышкомъ. „Только свѣтъ мой кормилецъ батюшка, мое красное солнышко, мое лѣтнее, теплое, ты мое обогрѣвное (Москвитянинъ 1855 г. апр. кн. 1, № 7, 113 стр.)“. Отсюда мы заключаемъ, что, если уже нужно видѣть въ прозвищѣ князя Владиміра указанье на то, что онъ (красное солнышко—Владиміръ) считался потомкомъ, внукомъ Дажь-бога, тоже самое нужно думать и о каждомъ русскомъ, который, какъ хозяинъ въ дому, отецъ семейства, или женихъ, также называется краснымъ солнышкомъ; тоже нужно сказать и о каждой русской: матери семейства, или красной дѣвицѣ-невѣстѣ, и онѣ происходятъ изъ рода Дажь-бога, потому что народная пѣсня каждую изъ нихъ величаетъ краснымъ солнышкомъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ послѣ неправильныхъ догадокъ г. Срезневскаго и предполагаемыхъ выводовъ, вытекающихъ изъ его положенія, мы опять приходимъ къ обычному мнѣнію, что подъ Дажь-божимъ внукомъ слѣдуетъ разумѣть весь русскій народъ (Истор. русск. слов. И. Порфир. ч. 1, стр. 24).

Вслѣдствіе особенной симпатичности солнечныхъ боговъ, а также ихъ родства съ славяно-русскимъ народомъ, солнечный культъ сравнительно вообще довольно ярко опредѣлился на Руси; по той же самой причинѣ, какъ мы думаемъ вопреки г. Шеппину и Бѣляеву, до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохранились почти всѣ имена главныхъ исторически—извѣстныхъ солнечныхъ боговъ (а не русалокъ только, домовыхъ и лѣшихъ); всѣ современные полужыческіе обряды русскаго народа также вращаются около поклоненія солнцу (Нижегор. епарх. вѣд. 1865 г., № 18, 24 стр.). Въ виду особеннаго значенія русскихъ солнечныхъ боговъ и ихъ близости къ человѣку, мы це-

переходимъ къ историческому обзору солнечнаго культа; постараемся обрисовать образъ и выяснить характеръ русскихъ солнечныхъ боговъ, обратимъ вниманіе на историческое развитіе солнечнаго культа, его видоизмѣненіе и забвеніе характерныхъ чертъ его.

Хърсъ, или Хръсъ, Хорсъ (осетинско-персидское хурръ, хуръ-солнце) былъ богомъ солнца: въ знакъ особеннаго уваженія и почтенія его называли великимъ Хорсомъ. Объ немъ говоритъ слово о полку Игоревѣ въ слѣдующихъ эпическихъ выраженіяхъ: „Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тматороканя; великому хръсови вѣлкомъ путь прерыскаше“. Мы видимъ замѣчательную картину состязанія смертнаго въ бѣгѣ съ самимъ солнцемъ. Волкодлакъ Всеславъ, какъ славянинъ и русскій, не боится боговъ, не признаетъ какой-нибудь судьбы, грозной для человѣка, и смѣло выступаетъ какъ-бы въ состязаніе съ великимъ Хорсомъ; и дѣйствительно вѣдному князю удается предупредить Хорса: прежде нежели успѣлъ подняться Хорсъ-солнце, чтобы принять вызовъ, Всеславъ былъ уже въ Тмутаракани (ср. Ж. М. Н. Пр., 1841 годъ, часть XXIX, IV, 34 стр. П. Прейсъ). Это состязаніе Всеслава съ Хорсомъ-солнцемъ можно сопоставить съ подобнымъ же извѣстнымъ состязаніемъ болгарскаго юнака. Похвалился юнакъ, что онъ имѣетъ быстрого коня и съ нимъ обгонитъ самое солнце. Солнце оскорбляется и принимаетъ вызовъ. При помощи быстрого коня и солнечной сестрицы юнакъ дѣйствительно обгоняетъ солнце и по условію въ награду получаетъ солнечную сестру. (Временникъ, 1855 г. XXII книга, 5—10).

Въ XIV и XV вѣкахъ повидимому еще не забыли Хорса; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ

слова нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ:.... „и вѣрують въ перуна и въ хорса (Лѣтоп. рус. литер. Н. Тихонравова, т. IV, отд. III, 89, 92, 94). Правда, можно предположить, что ревнитель по правой вѣрѣ знаетъ Хорса по книгамъ и такимъ образомъ вооружается противъ давно исчезнувшаго идолопоклонства, что нерѣдко случалось съ древне-русскими книжниками; однако другое слово св. Григорія не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ этомъ словѣ категорически констатируется фактъ современнаго идолопоклонства по русскимъ украинамъ: „но и ноне по украинамъ молятся ему проклятому богу перуну и хорсу.... (Ibidem. т. IV, 97 стр.) Въ концѣ XVI вѣка, или началѣ XVII существовало еще сбивчивое, туманное понятіе о Хорсѣ, насколько можно заключать изъ апокрифической бесѣды трехъ святителей. Въ этой бесѣдѣ на вопросъ, отчего сотворенъ былъ громъ, св. Василій отвѣчаетъ: „Два ангела громная есть: елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ (вар. Нахоръ) жидовинъ—два еста ангела молніина (Щаповъ, Русск. раск. старообр., 454; Правосл. Собес. 1861, ч. 1, 252; Лѣан. Поэт. возвр., т. 1, 250)“. Съ перваго же раза бросается въ глаза незнанье книжникомъ русской языческой религіи; не говоримъ о томъ, что неизвѣстный книжникъ превратилъ языческихъ боговъ въ ангеловъ; можно пожалуй помириться съ тѣмъ, что Перунъ является предъ нами въ видѣ ангела молніи, завѣдующаго молніей (здѣсь еще не такъ видна деградація языческаго сознанья),—но за то каждому понятно, что нельзя назвать молніеноснымъ ангеломъ Хорса, потому что онъ былъ не громовникомъ у русскихъ язычниковъ, а солнечнымъ богомъ. Замѣчательно, что неизвѣстный книжникъ называетъ Хорса жидовиномъ,—такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Хорса упоминается

Нахоръ, то можно предположить, что Хорсъ называется жидовиномъ потому, что смѣшивается съ библейскимъ Нахоромъ, который дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ жидовинъ. Въ доказательство естественности нашего предположенія можемъ сослаться на Никоновскую лѣтопись, гдѣ также вмѣсто Люта, сына Свѣнелдова, неожиданно выступаетъ библейскій Лоть. (П. С. Р. Л., т. IX) Во всякомъ случаѣ свидѣтельство апокрифической бесѣды трехъ святителей о Хорсѣ очень темное и спутанное; а потому на основаніи его нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о происхожденіи культа Хорса.— Между тѣмъ всетаки находятся изслѣдователи, которые видятъ въ этомъ свидѣтельствѣ подтвержденіе своихъ апріорныхъ предположеній о чужеземномъ происхожденіи Хорса. Такъ напр. И. Забѣлинъ, задумываясь надъ тѣмъ, что Хорсъ называется жидовиномъ, говоритъ намъ слѣдующее: „Это (жидовство Хорса) подаетъ намекъ на самое мѣсто, гдѣ существовало поклоненіе Хорсу, именно у Хозаръ, перешедшихъ потомъ въ Моисеевъ законъ и оттого извѣстныхъ больше подъ именемъ жидовъ Хозарскихъ. (Истор. русск. жизни И. Забѣлина ч. II, 291 стр.)“. Но если слѣдовать подобному приему въ наукѣ, то пожалуй придется признать татарско-магометанское происхожденіе того же самаго Хорса, или Перуна, потому что въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ и тотъ и другой признаются татарскими богами. „Мамай же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ и нача призывать боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклія, Гурса (Хорса) и великаго своего помощника Ахмета. (Сказ. русск. нар. И. Сахарова, т. 1, кн. IV, 80 стр.). Въ настоящее время темное преданіе о Хорсѣ повидимому сохраняется въ лицѣ зловѣщаго Карачуна, злого бога скотскаго падежа. И при томъ изъ всѣхъ русскихъ племенъ